

«ИЖЕ ХЕРУВИМЫ ТАЙНО ОБРАЗУЮЩЕ» ИЛИ КАК ПОЭТИЧЕСКИ ОСМЫСЛИТЬ И ПЕВЧЕСКИ ИЗЛОЖИТЬ ХЕРУВИМСКУЮ ПЕСНЬ?

*ИОНАФАН (ЕЛЕЦКИХ), архиепископ Тульчинский и Брацлавский,
кандидат богословия, духовный композитор*

Введение.

Богослужбное пение - это христология Церкви, поэтически "описанная" в литургическом словесно-мелодическом образе.

В этом свете весь корпус церковнославянских богослужебных текстов для охранителей литургического предания есть единая небесная неизменная "икона", само созерцание и звучание которой совершает некое приобщение к сакральному. Чтение церковнославянских текстов для светских эстетов - это ещё и, своего рода, игра ума в словесный бисер, узнавание в них тонких оттенков смыслов, - некое духовное упражнение, доставляющее интеллектуальное наслаждение посвящённым в его понятийную тайну. Но, увы, многие богослужебные тексты недоступны для понимания большинства русскоязычных и нерусскоязычных мирян, и даже клириков. Есть ли путь и таковых насытить словесным молоком Церкви? Об этом, по сути, и идёт речь в настоящей статье.

АРХИЕПИСКОП ИОНАФАН (ЕЛЕЦКИХ). Более 200 лет в Русской Церкви продолжаются попытки, адекватно древнегреческому прототипу, осмыслить и переложить на живые языки (русский, украинский и др.) византийский богослужебный гимн «Иже херувимы». Ещё в начале XX столетия Обер-прокурор Святейшего Синода Русской Церкви Константин Петрович Победоносцев, сам автор перевода Нового Завета на русский язык, был искренне уверен, что невозможно передать, по его выражению, «безобразной русской фразой» таинственный смысл и возвышенную красоту задостойника праздника Рождества Христова «Любити убо нам» и гимна «Иже херувимы», а, тем более, положить их переводы на ноты.

Но, так ли безоговорочно беспомощен великий классический русский язык? Каким может быть метод для создания достойных и понятных образцов перевода на них древних византийских поэтических текстов? И особенно в свете библейского учения и воззрений святых отцов?

Вот некоторые цитаты: а) Святой пророк Давид: «Пойте Богу все, пойте разумно» (пс.46, 7-8); б) «Петь Богу разумно означает понимание того, что мы поем или слушаем в церкви» - преп. Амвросий, старец Оптинский.

Приобретённый опыт в этой области показывает, что если следовать путём "сухого" научного академизма и переводить древнюю поэзию на новые языки "слово за слово", то ничего достойного для пользы богослужения не получится: профессорский "немецкий" академизм просто убивает живую церковную высокую поэзию.

Ниже покажем результат перевода задостойника праздника Рождества Христова «Любити убо нам» по методу "немецкого сухого академизма", с которым, вероятно, столкнулся г-н Победоносцев.

Для справки: церковнославянский богослужебный, довольно туманный дословный

перевод с древнегреческого: "Любители убо нам, яко безбедное страхом, удобнее молчание. Любвию же, Дево, песни ткати спротяженносложенныя неудобно есть. Но, и, Мати, силу, елико есть произволение, даждь".

Перевод по-русски **Николая Нахимова** (Н.Ч.Заиончковский, род. 1839 — ум. 1920)):

"С одной стороны, из страха было бы довольно легко переносить молчание, так как оно не грозит бедою; с другой же, о Дева, вследствие влечения сочинять вдохновенно сложенные гимны, это слишком трудно. Но Ты, о Матерь Божия, и даруй мне крепость, уравнивающую моё природное призвание".

Формально перевод Николая Нахимова как бы правильный, но отнести сей русский перевод к богослужебной поэзии невозможно: страдает и лаконизм текста, и певучесть слова, и восприятие последнего. Для сравнения приведём версию церковнорусского изложения задостойника Рождества Христова автора настоящей статьи.

Глас 2, киевский распев (мажорный, светлый), попробуйте спеть:

Любезно, Дево, нам удобное молчание,

Кое всем страхам не причастно,

Но любовь сия нам гимны ткати стройносложенныя утрудняет.

Ты же, Мати, силу воспевати Тя,

Елико есть (у нас) произволение, подай.

(Архиепископ Ионафан (Елецких)).

И русское смысловое переложение (попробуйте спеть):

Мы возлюбили, Дево, все блаженное молчанье,

Кое всегда от бед и страхов нас хранит!

Но, поелику нас влечёт любовь

И ко сложенью гимнов Тебе стройных,

Ты, Мати, зряще наше изволение,

Дай силу равную ему и вдохновенье!

(Архиепископ Ионафан (Елецких))

Ещё пример. **Л.Н. Парийский**, профессор ЛДА и С, сторонник исключительно церковнославянского богослужения для русских и всех православных славян, в своё время

писал, что "М. В. Ломоносов давал высокую оценку церковно-славянскому языку и относил его к высокому стилю", что "основная мысль М. В. Ломоносова в том, что идеи горнего порядка должны выражаться и языком горним, возвышенным (т.е. поэтическим - авт.), а о вещах житейской суеты следует говорить языком дольным", что "психологически" верно.

Но, признавая, что славянские слова в русских и русские в славянских так переплелись, что "образовали вместе «великий, могучий, правдивый, свободный русский язык», профессор Л.Н. Парийский (равно и его нынешние единомышленники), всё-же полагает, что сей действительно могучий, правдивый и свободный (гибкий) язык психологически и эстетически "непригоден" для богослужения. В качестве неоспоримого примера профессор Парийский приводит текст ирмоса на Воздвижение в "живом" церковнославянском и в современном "сухом" научно-изъяснительном русском переводе.

По-церковнославянски:

"Крест начертая Моисей, впрямю жезлом Чермное пресече, Израилю пешеходящу, тоже обратно фараоновым колесницам ударив, совокупи вопреки, написа непобедимое оружие. Тем Христу поим Богу нашему, яко прославися".

По-русски в переводе, изданном в 1914 г. Св. Синодом:

"Моисей, начертая жезлом продольную надпись Креста, разделил Чермное море так, что Израиль прошел его пешком; ударив же море поперек, против Фараоновых колесниц, он изобразил непобедимое оружие (т. е. Крест) и вновь соединил море. Поэтому, запоем Христу Богу нашему, ибо Он прославился".

Сравнение двух вышеприведённых текстов действительно говорит не в пользу "канцелярского" русского "синодального" перевода гимна. Но приведём и иную, в данном случае авторскую, версию певческого переложения ирмоса на Воздвижение по-церковнорусски, т.е. с применением понятных слов церковнославянских, и, возможно, ссылка (контаргумент) на неудачный "синодальный" русский перевод не будет столь бесспорна:

(попробуйте спеть)

Крест начертал Моисей,

Своим жезлом вдоль Чермное море разделив,

И миновал его Израиль пешеходящий,

Также, ударив им море поперек,

Соединил его пред фараона колесницами,-

Прообразующе непобедимое Оружие.

Сего ради воспоем Христу-Богу нашему,

Ибо и Он (крестом) прославился.

(Перевод архиепископа Ионафана (Елецких)).

Несомненно, петь "сухие" академические тексты на богослужении - вещь неблагодарная. Но, очевидно и то, что при переводе византийских богослужебных гимнов требуется известная творческая свобода и поэтический стиль изложения. На этом настаивал один из выдающихся современных богословов-литургистов **о. Александр Шмеман**. Вот его суждение по этому вопросу в статье "Проблемы Православия в Америке. 2. Литургическая проблема" <http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/3518/>.

"Большинство наших переводчиков, как видно, забыли, что основной «ключ» к богослужению — в первую очередь эстетического, а не рационального свойства, - пишет он. Литургические тексты — не только утверждения, богословские или нравственно-дидактические, с единственной целью выразить и сообщить мысль, заповедь, знание. Вернее, это и впрямь их цель, но достигается она иными средствами, чем в богословии и проповеди. Эстетический элемент в богослужении — в литургической поэзии, музыке, обряде — не случаен, а существен; он укоренен в самой природе культа, так что, лишаясь его, богослужение перестает удовлетворительно исполнять главную свою функцию — не просто сообщать идеи о Боге, но раскрывать «небо на земле», приводить человека в прямое соприкосновение с той Реальностью, адекватным и действенным символом которой бывает культ. Эстетическая структура богослужения в нашей литургической традиции предельно существенна, ибо укоренена в православном осмыслении и восприятии Церкви как явления в этом мире Царства грядущего — конечной Реальности, которую Церковь провозвещает, и не только провозвещает, но и нас делает ее участниками. Конечно, богослужение имеет назидательную, или образовательную, функцию, можно сказать даже, что в известном смысле все богослужение есть научение, есть богословие, есть проповедь. Но научение это не просто неотделимо и неотличимо от красоты, но красота есть само его содержание и средство сообщения. Именно здесь проблема литургического перевода встает во всем своем реальном значении. Две трети всех литургических текстов в нашей традиции составляют гимны, то есть поэтические произведения, предназначенные для пения. Поэзия же, по определению, непереводаема, ибо смысл ее — в органическом сплетении строя, ритма и музыки слова", - подчеркивал священник Александр Шмеман.

"Отсюда первое непреложное условие (перевода) : «уложить» византийский период в краткие утвердительные (керигматические) предложения, сгруппировав каждое вокруг одного четкого образа и опустив все слова и даже образы, которые «годятся» в греческом тексте, но разрушают английскую фразу", - пишет отец Александр Шмеман.

Не здесь ли - в полнейшем отсутствии поэтического начала таится причина появления "безобразных" академических русских или украинских переводов византийских богослужебных текстов, о которых говорил г-н Победоносцев?

Для примера: встречается такой современный перевод по-русски тропаря праздника святого Богоявления: "Когда Ты крестился, Господи, во Иордане, то появилось служение Троице...". Слушать сей "газетный" церковный текст в храме будет психологически весьма дискомфортно для русского уха. Но, если изложить гимн по-церковнорусски, певчески-поэтически, сохранив к тому же традиционный порядок слов в начальной гласовой фразе, то он уже не будет вызывать внутренний протест: "Во Иордане крещением Твоим, Господи, Троице явилось поклонение...".

Иными словами, должно иметь место некое правило переводов литургических текстов: для успешного переложения семантически непонятных византийских текстов на новые

языки желательнее следовать лингвистическому принципу т. н. динамического и поэтического эквивалента, пользуясь методом лексического расширения первоисточника, предпочтя его “сухому” вербальному академическому переводу “слово за слово”, дабы искомым уяснённый текст “вписался” в мелодии обиходных сочинений, созданных на протяжении столетий распевщиками и композиторами Русской Церкви.

Несомненно, верный путь - ключ для перевода древних текстов был указан святыми Отцами и Учителями Церкви. Вот, что писал о принципах перевода с греческого во вступлении к апракосному Евангелию св. равноапостольный Кирилл, просветитель славян, будучи еще до монашества Константином:

"Слова не были переданы слепо своими соответствиями. Потому что нам нужны были не (сами) эти слова и выражения, а их смысл. По этой причине, когда смысл на греческом и на славянских языках совпадал, мы передавали выражение тем же словом, но когда выражение было пространное или приводило к потере смысла, тогда, не теряя смысла, мы переводили его другим словом. Греческий в переводе на другой язык, - замечает святой равноапостольный Кирилл, - никогда не может быть передан одним и тем же способом, и это случается со всеми языками, на которые он переводится. Часто бывает, что слово, изящное на одном языке, не таково на другом, а имеющее важное значение на одном языке, не столь важно на другом... Поэтому не представляется возможным всегда следовать греческому выражению, но то, что должно всегда сохраняться, - это его смысл". (Цит. по книге Тахиаос А. "Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян"). Мы бы ещё уточнили - смысл богословско-историко-литургический.

Для осмысления и удобного "певческого" перевода, например, херувимской песни необходимо непременно помнить, что христианский автор гимна провел смелую поэтическую параллель между триумфальным шествием византийского Императора в сопровождении эскорта воинов-копьеносцев, – с одной стороны, и торжественным входом духовенства в алтарь со Святыми Дарами – символами присутствия в общине Христа-Царя, несущими скрещенные малые копыя. В храмах Русской Церкви иногда можно увидеть дореволюционную литографию, которая называется «Великий вход», на которой изображён Христос, грядущий в сонмах ангелов-копьеносцев.

Митрополит Антоний (Храповицкий) упоминает об этом византийском придворном церемониале в своём толковании смысла херувимской песни: "Иже Херувимы" -, пишет он, - это беседа между стоящими во храме: они говорят друг другу "отложим всякое житейское попечение, потому что мы сейчас тайно образуем херувимов". "Дориносима" - обычно под этим понимают ношение повелителя на щите, но этого мало сказать: здесь надо иметь в виду еще и то, что впереди и сзади и по бокам от него рядами идут преданные ему люди (копьеносцы - авт.). И вот мы, тайно образуя херувимов, входим в их сонм, окружающий Господа".

По сообщению церковного историка **И.И. Соколова**, «военная терминология («дориносимо»= «копьеносимо») вошла в херувимскую песнь и берет начало из церемониала участия Императора в Великом входе.

Это было грандиозное шествие Императора, в окружении вооруженной варяжско-славянской охраны, богато облачённых византийских придворных, сотен священнослужителей, иподиаконов с иконами «херувимов» - рипидами, сотен чтецов и певцов, - красочная процессия, поражавшая воображение участников и зрителей своим блеском и великолепием!

"Сам чин Великого входа совершался следующим образом. Царь вместе со старшими диаконами шел к протесису (жертвеннику), где находились приготовленные для перенесения в алтарь дары (хлеб и вино). С правой и левой стороны Царя шли его телохранители и знатные юноши в парадном вооружении, а за Царем следовали диаконы и иереи с дарами и другими священными предметами, носимыми во время Великого входа". Затем Царь, опять же возглавляя процессию в окружении воинов-оруженосцев, на солее у алтарной преграды передавал их Патриарху.

Кстати, и в наше время в Западной Церкви во время богослужений с участием Папы Римского - суверена Государства Ватикан, последнего при входе его в базилику святого апостола Петра сопровождают швейцарские оруженосцы (копьяносцы). Это литургическая «дань» древней античной процессионной традиции, имевшей место в своё время и на православном Востоке в константинопольском храме Святой Софии.

Почему же слово «дориформуенон» осталось непереуведенным? Вот что пишет литургист **Андрей Десницкий**: "Слово "дориносима" соответствует греческому «дориформуенон» — нетрудно заметить, что первый элемент слова, «дори» (копье) остался непереуведенным. Это слово означает "в сопровождении стражи копьеносцев" — именно так на придворных торжествах появлялся византийский император. Однако славянам этот обычай был неизвестен, точный перевод был бы всёравно непонятен (и потому неуместен) и славянские переводчики предпочли оставить в тексте некоторую загадку, *которая изначально требует комментария*. Думаю, что в этом случае они были совершенно правы".

О необходимости внесения исправлений в текст херувимской песни в соответствии с историческим контекстом её возникновения (поздняя античность) писал киевский специалист по греческому языку и восточной литургике диакон **Андрей Глушенко** (УПЦ МП) в статье "Классические» ошибки в восприятии православного богослужения»).

"В переводе Херувимской для правильного понимания вместо славянского «подЪИмем» (отнюдь, не «подЪИмем» — авт.) необходимо поставить славянское же «приимем», - настаивает отец Андрей, - иначе... будет сохраняться нежелательная ассоциация с совершенно неверным толкованием о «ношении на копьях». *Нуродечомат*, напомним, означает именно «принимать», особенно «принимать у себя гостя», или «принимать в себя». Славянское слово «подЪяти» имеет такое же значение, как и (соответствующее) слово в греческом оригинале — «принять в себя», и перевод, конечно, правильный, однако сейчас это слово просто неотлично от русского «поднимать», которое нужного значения не имеет вовсе".

Так понимали выражение "подЪИмем" и в византийской древности: «Когда поется Херувимская песнь, - рассуждал **патриарх Герман**, - с того времени все возбуждаются к прилежнейшему вниманию, даже до конца священнодействия, отложив долу всякое житейское попечение, **яко Царя великого имущие воспринять в себя, через тайну Причащения**».

А «дориносимый», напомним, значит «окруженный телохранителями, копьеносцами», а отнюдь не «поднятый на копьях».

Вместе с тем, по замечанию замечательного и тонкого специалиста славянской поэтики **Ольги Седаковой**, возвращение к правильному значению сопряжено с "ломкой" устоявшейся традиции. "Это вопрос, - пишет она в статье "Церковнославянский язык в

русской культуре", - ... общеисторический, общекультурный. В какой-то момент историк выясняет, что изначальное значение того или другого изменено, и в таком измененном, искаженном виде продолжается много веков. Что здесь делать? Настаивать на возвращении к правильному началу? Но само это искажение (греческого текста в церковнославянских переводах - авт.) может быть плодотворным, может принести интересные плоды...". "Священное слово – сильное слово. И Русское обыденное слово как бы заведомо этой силой не обладает. Оно может приобрести её в поэзии, – но здесь, как говорится, должен «человек сгореть», должен действовать личный гений", - уверена г-жа Седакова в вышеназванной статье, парадоксально, но переключаясь с отцом Александром Шнеманом.

Но, увы, многие богослужебные тексты остаются недоступны для понимания большинства русскоязычных мирян и даже клириков. Есть ли путь и таковых насытить словесным молоком Церкви?

Протоиерей Сергей Правдолюбов, московский священнослужитель, ставший флагом настроений против малейшей русификации богослужения в РПЦ, соглашаясь с мнением святителя Феофана Затворника, предложил путь осторожной правки "тёмных" мест церковнославянских текстов: "В наших богослужебных книгах, конечно, возможны некоторые изменения отдельных слов ... и эта замена должна иметь целью... **прояснение смысла**, что и делали все предшествующие книжные справы... Богослужебные тексты содержат в себе всю полноту православного вероучения, и их язык может и, наверное, должен совершенствоваться для достижения максимально возможной выразительности. ... Для такой работы мало знать грамматику славянского языка, надо ещё быть знатоком церковного устава и греческого языка, разбираться в византийском стихосложении и поэтике, обладать профессиональной музыкальной культурой. Но и этого недостаточно. Надо быть глубоко укорененным в православной традиции, в церковном Предании и быть их действенным защитником". И непременно любить церковнославянское богослужение, - заключает отец Сергей Правдолюбов (<http://www.bogoslov.ru/text/1902908.html>).

Резюме. Богослужебное пение - это христология Церкви, поэтически "описанная" в литургическом словесно-мелодическом образе. А весь корпус церковнославянских богослужебных текстов для охранителей литургического предания есть единая небесная христологическая "икона", само созерцание и звучание которой совершает некое приобщение к сакральному. Чтение церковнославянских текстов для светских эстетов - это ещё и, своего рода, игра ума в словесный бисер, узнавание в них тонких оттенков смыслов, - некое духовное упражнение, доставляющее интеллектуальное наслаждение посвящённым в его понятийную тайну. Но, увы, многие богослужебные тексты недоступны для понимания большинства русскоязычных и нерусскоязычных мирян, и даже клириков.

Автор настоящей статьи, отнюдь не являясь сторонником замены церковнославянских текстов в богослужении, полагает, что певческо-поэтическое изложение некоторых богослужебных гимнов по-церковнорусски (т.е. с применением "родных" русскому языку церковнославянских слов) и параллельное исполнение их с церковнославянскими песнопениями, могло бы послужить как миссионерской цели богослужения, так и удовлетворению глубинной тяги верующих к постижению смысла церковных гимнов. Например, херувимской песни. Или тропарей и ирмосов канонов великих праздников, которые, заметим, богослужебным уставом положено исполнять несколько раз и явно для уяснения их смысла. Кстати, нечто подобное уже имеет место в храмах РПЦ при пении, например, тропаря праздника св. Пасхи на малом входе Литургии, причём, на нескольких

современных языках. Всем известно, что таковая полигlossия положительно воспринимается молящимися в храме.

.....
.....

ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЯ в переводах архиепископа Ионафана (Елецких)

По-русски:

1) Мы все, херувимов тайно (*духовно*) образующе и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем с ангельскими, невидимо копиеносными чинми. Аллилуя.

2) Вы, что херувимов тайно (*духовно*) образуете и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспеваете, - всякое ныне житейское отложите попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем с ангельскими, невидимо копиеносными чинми. Аллилуя.

3) Вы, что херувимов тайно (*духовно*) образуете и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспеваете, - всякое ныне житейское отложите попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.

4) Мы все, херувимов тайно (*духовно*) образующе и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.

5) Мы все, херувимов тайно (*духовно*) образующе и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем в сонмах, невидимо копиеносных ангелов. Аллилуя.

6) Мы все, херувимов тайно (*духовно*) образ являюще и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, яко да (*ибо мы, ибо днесь*) Царя всех примем во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.

7) Мы все, херувимов тайно (*духовно*) образующе и животворящей Троице трисвятую песнь (*с ними*) воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение, да сопроводить нам Царя всех (*или: Царя всего Мира*) во копьеносных воинствах всех ангелов незримых. Аллилуя.

http://www.angelologia.ru/sobor/279_Molitva_Izhe_Heruvimy.htm

По-украински:

1) Ми, що херувимів таємно (*духовно*) образуємо і животворчий Троїці (*Трійці*) трисвятую (*ю*) пісню (*з ними*) співаємо, всякі ніні життєві відкладемо піклування, щоби нам (*щоб і нам*) Царя всіх прийняти з ангельськими, невидимо списоносними чиньми. Аलिлуя.

2) **Ви**, що херувимів таємно (духовно) образуєте і животворчій Троїці (Трійці) трисвяту(ю) пісню (з ними) співаєте, - всякі нині життєві відкладіть піклування, щоби нам (щоб і нам) Царя всіх прийняти з ангельськими, невидимо списоносними чиньми. Аलिлуя

3) **Ви**, що херувимів таємно (духовно) образуєте і животворчій Троїці (Трійці) трисвяту(ю) пісню (з ними) співаєте, - всякі нині життєві відкладіть піклування, щоби (щоб і) нам Царя всіх прийняти у списоносних воїнствах всіх ангелів незримих. Аलिлуя.

4) **Ми**, що херувимів таємно (духовно) образ являємо і животворчій Троїці (Трійці) трисвяту(ю) пісню (з ними) співаємо, всякі нині життєві відкладемо піклування, щоби нам (щоб і нам) Царя всіх прийняти у списоносних воїнствах всіх ангелів незримих. Аलिлуя.

5) **Ми**, що херувимів таємно (духовно) образуємо і животворчій Троїці (Трійці) трисвяту(ю) пісню (з ними) співаємо, всякі нині життєві відкладемо піклування, щоби нам (щоб і нам) Царя всіх прийняти в сонмах, невидимо списоносних ангелів. Аलिлуя.

6) **Ми** всі, херувимів таємно (духовно) образуючи і животворчій Троїці (Трійці) трисвяту(ю) пісню (з ними) співаючи, всякі нині життєві відкладемо піклування, щоби нам супроводити Царя всіх (або: Царя всього Світу) у списоносних воїнствах всіх ангелів незримих. Аलिлуя.

http://www.angelologia.ru/sobor/279_Molitva_Izhe_Heruvimy.htm

Как отмечают некоторые болгарские и греческие специалисты-филологи, из представленных выше примеров русских переводов херувимской песни архиепископа Ионафана (Елецких), **наиболее лаконично и корректно отражает смысл древнегреческого оригинала номера ЧЕТВЁРТЫЙ и ПЯТЫЙ**. Хотя окончание гимна психологически "комфортнее" для восприятия на слух, когда заканчивается привычным словом "чинми" (укр. "чиньми"). Согласно суждению известных лингвистов-богословов, перевод херувимской с глаголом "сопроводить" менее предпочтителен для богослужения, поскольку акцент сделан на почётный эскорт Христа-Царя, а не на евхаристическое принятие Его в предстоящем Таинстве Причащения (церк.слав. "под-Имем"= рус. "приИмем"). Вероятно, в природе имеются и иные варианты украинского перевода гимна других авторов. Практическая необходимость и тонкое богословско-литургическое чутьё со временем, надо надеяться, изберут их лучшие варианты.

.....

ДЛЯ СРАВНЕНИЯ НЕКОТОРЫЕ РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ХЕРУВИМСКОЙ ПЕСНИ ИНЫХ АВТОРОВ:

Николай Нахимов (Н.С. Зайончковский, род. 1839 - ум. 1920):

«Мы, таинственно изображающие херувимов и поющие животворящей Троице трисвятую песнь, оставим теперь всю житейскую заботу, чтобы *принять Царя всего Мира*, невидимо сопровождаемого воинством ангельских чинов. Аллилуя».

Профессор ЛДА **Н.Д. Успенский** (изложение первой части гимна):

«Мы, таинственно изображающие херувимов и поющие вместе Трисвятой гимн Животворящей Троице, оставим все наши житейские заботы, чтобы *принять* всех Царя».

Священник **Георгий Кочетков** (Московский Свято-Филаретовский институт):

«Херувимов в таинстве изображая и животворящей Троице трисвятую песнь воспевая, всякое ныне житейское отложим попечение, дабы *принять* нам Царя всего сущего, стражей ангельской незримо сопровождаемого».

В.С. Шолох, Киев, перевод с новогреческого:

«Мы, таинственно изображая херувимов и воспевая Животворящей Троице трисвятую песнь, оставим теперь всю житейскую заботу, ибо нам предстоит *принять* Царя всех, невидимо сопровождаемого ангельскими воинствами. Аллилуя».

Неизвестный автор (сайт «Благовест», Словарь):

«Мы, таинственно изображая херувимов и воспевая трисвятую песнь Троице, дающей жизнь, оставим теперь заботу о всем житейском, чтобы нам *прославить* Царя всех, Которого невидимо ангельские чины торжественно прославляют. Хвала Богу!».

Неизвестный автор:

«Мы, таинственно изображающие херувимов и воспевающие животворящей Троице трисвятую песнь, отложим ныне всякое житейское попечение, чтобы *поднять* Царя всех, невидимого, копьеносимого чини анге, Польшалъскими. Аллилуя».

ПО-УКРАИНСКИ

Официальный довоенный "дионисиевский" перевод, Польша.

«Ми таємно з себе херувимів уявляємо і животворчий Тройці трисвятую пісню співаємо. Відкладімо ж нині всякі житьові піклування. *Підійmemo* ж і ми Царя всіх, що Його, як переможця, янгольські чини невидимо несуть. Аلیلуя».

Официальный греко-католический перевод, Рим.

«Ми, херувимів *тайно являючи* і животворящій Тройці пісню співаючи, всяку нині житейську відложім печаль. Щоб і Царя всіх ми *прийняли*, що Його в славі невидимо супроводять ангельські чини. Аلیلуя».

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ УПЦ МП О ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ АРХИЕПИСКОПА ИОНАФАНА (ЕЛЕЦКИХ)

«Концепция деятельности и основные направления работы Литургико-богослужебной комиссии при Священном Синоде Украинской Православной Церкви» 07 июля 2009 V.

О переводах богослужебных текстов

Выписка

Анализ опытов переводов раскольнических и инославных авторов (УАПЦ, УПЦ-КП, УГКЦ) показывает, что употребляемые за богослужением переводы содержат диалектизмы, полонизмы и латинизмы, многие богослужебные тексты лишены благозвучия, содержат двусмысленные слова и фразы, недопустимые в молитве. Комиссии необходимо начать работу над созданием украинского перевода основных богослужебных текстов. В работе Комиссии следует широко использовать уже имеющиеся опыты украиноязычного литургического творчества, например, переводы (литургических текстов – авт.), выполненные... архиепископом Тульчинским и Брацлавским Ионафаном.

**Архимандрит Филарет (Зверев),
председатель Литургико-богослужебной комиссии при Священном Синоде
Украинской Православной Церкви**